

идении, царь, по словам Федора, добавлял: соловецкие старцы «растирают вся кости моя и составы тела моего пилами намелко, и не быти мне живу от них. Пошлите гонца скоро и велите войску отступить от монастыря их. Бояре же послаша гонца скорого, по повелению цареву. Но в то время самая болезнь его взят бысть монастырь и разорен»⁵⁸ Федор вспоминает здесь о главе восставших Никаноре, к которому писал Аввакум «и Никанор, преподобный архимандрит и многолетний старец, иже и отец (духовный, — А Р) бе ему, царю Алексею, и той замучен разными муками во едином часе от стрелецкого головы Ивана Мещерского (И А Мещеринова, — А Р.)»⁵⁹ Далее Федор рассказывает о том, как царский гонец будто бы встретил на пути гонца от воеводы Мещеринова, ехавшего с известием о взятии монастыря, и оба гонца «без пользы» вернулись «каждо во своя» «Царь же потом скоро скончася недобре И по смерти его той же час гной злосрадный изыде из него всеми телесными чувствами, и затыкающе хлопчатую бумагою, и едва возмогоша погребсти его в землю»⁶⁰

Перед нами, несомненно, народная легенда, которую Аввакум и Федор подхватили в начале ее образования и, может быть, частично обработали. Они, вероятно, обменивались мнениями об этой легенде, обсуждали ее в кругу пустозерских «соузников», а затем, несколько расходясь в деталях, в полноте и стиле изложения, включили ее в состав своих полемических сочинений.

До нового времени дошла народная песня об осаде Соловецкого монастыря,⁶¹ в которой действует воевода «князь Пещерской»,⁶² который берет монастырь и расправляется с повстанцами. В конце песни говорится, как «в темну ноцьку» приходят к царю «Олексею-то свет-Михайловицу» два старца,⁶³ они «хотят-то его убити, руки, ноги да отпилити» и просят его не разорять «старой веры». Царь в страхе посылает «гонцев-то скоро, солдат-ов», чтобы снять осаду. Гонцы встречают в Вологде воеводу (видимо, возвращающегося после взятия монастыря). В заключение поется о том, что воевода «разболелсэ» и «в худой-то боли скончалсэ», а царь «за воеводой собиралсэ, Жить своей жизнью скончалсэ» Когда царя понесли в церковь, «Потекло у его из ушей-то, Потекла у его всяка гавря; Иише уши-ти затыкали, Все хлопчатой белой бумагой».⁶⁴ Интересно отметить, что скazitели нового времени, точно так же как Аввакум и Федор, ясно сознавали политическую направленность этой картины: по словам А. М. Крюковой, от которой была записана эта старина, она была «запрещенная»⁶⁵ Приведенное нами сопоставление указывает на те идейные связи, которые тянулись от Аввакума к поморскому крестьянству.⁶⁶

⁵⁸ Там же, стр. 220

⁵⁹ Там же, стр. 200

⁶⁰ Там же, стр. 92

⁶¹ А. В. Марков. Беломорские былины М., 1901, 40 (далее А. В. Марков), стр. 197—201

⁶² Ср. выше у Федора аналогичную ошибку («Ивана Мещерского»), в действительности — И. А. Мещеринов

⁶³ В отличие от изложения Федора здесь уже, очевидно, подразумеваются традиционные Зосима и Савватий

⁶⁴ А. В. Марков, стр. 200—201 Последний мотив («потекло из ушей-то») ближе к рассказу Аввакума чем к рассказу Федора

⁶⁵ Там же, стр. 197, прим. 2

⁶⁶ А. В. Марковым была найдена также запись песни об осаде Соловецкого монастыря, относящаяся к 10-м годам XIX в. и принадлежавшая Устинье Крюковой, которая жила в Онуфриевской пустыни Мезенского уезда (А. В. Марков, стр. 469—472) Скazitели Крюковы вообще были связаны с раскольническим Онуфриевским скитом (там же, стр. 10) В конце XVII—начале XVIII в. Онуфрий и его ученики (на р. Керженце) были ревностными последователями Аввакума и хранили его сочинения.